

Светлана Сачкова

Господи, как хорошо, дико
и весело получается в итоге!

Алексей Сальников

нецензурную
18+
содержит
брань

Люди и птицы

Вот, оказывается, какой была бы Амели, родившаяся в Москве: букет неврозов, серая юбка и никакой парижской романтики. Россия отличается от Франции так же, как русский шансон от французского, — но даже в этом пространстве нелюбви и недоверия Светлана Сачкова находит обаяние, поэзию и какую-никакую — но магию.

Егор Михайлов, Afisha

Вперед и вверх. Современная проза

Светлана Сачкова

Люди и птицы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сачкова С. А.

Люди и птицы / С. А. Сачкова — «Эксмо», 2020 — (Вперед и вверх. Современная проза)

ISBN 978-5-04-113741-0

Светлана Сачкова была редактором журналов Allure и Glamour, писала для Vogue, «Медузы», «Большого города» и Афиши Daily, а недавно стала стипендиатом фонда Трумена Капоте. Этот роман о том, как трудно оставаться человеком, когда все вокруг считают тебя "белой вороной" и неудачником. Таня ранима, застенчива и толком нигде не работала. У Саши крошечный бизнес, несчастливый брак, любовница-японка и мечты о гораздо большем. Когда ночью на улице он встречает восьмилетнего мальчика, а у Тани появляется собака, начинается по-настоящему странная история.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113741-0

© Сачкова С. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Александровна Сачкова

Люди и птицы

© Сачкова С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Чувство волшебного у Сачковой в крови. Она мгновенно утягивает читателя в свой мир – причудливый, странный, мрачноватый и при этом убедительно человеческий.

Марина Степнова

Господи, как хорошо, дико и весело получается в итоге!

Просто эта книга начинается и продолжается таким образом, что невольно начинаешь предполагать, насколько все будет плохо в конце. Уже воображаешь закономерный финал русского романа: с тоской, с безысходностью. Не исключая даже суицида кого-нибудь из героев. Потому что, чем дальше, тем хуже все и у главной героини по имени Таня, и у коммерсанта-неудачника Саши, да и у всех остальных, в принципе, тоже. И вдруг все оборачивается неожиданным спасением, как в фильме «Луговые собачки», не знаю, как в «Детях капитана Гранта».

Замечательная сказка, которая не выглядит сказкой даже с включением в историю фантастического вездесущего персонажа – настолько все убедительно, живо, подробно описано. Описания быта, отношений, диалоги – все работает на выстраивание этого замечательного обмана. Сказка настолько прикидывается новым реализмом, что все произошедшее и кажется вполне реалистичным почти до точки в конце. Иначе и быть, наверно, не может. Очень подробно сделаны не только персонажи, но и то, что их окружает, ощущение, что Светлана пересказывает виденный фильм, останавливая свое внимание на всех возможных подробностях, причем, это никоим образом не надоедает, хотя, вроде бы и должно. С чем сравнить? Ну, вот Раскольников таскался по Петербургу, а тут все, некоторым образом, Раскольниковы (не убийцы, но потерянные люди), это совершенно необходимые подробности безумного города и легкого безумия самих героев, притом, что герои на самом деле совершенно нормальные люди, которые кажутся друг другу странными.

Два раза Светлана Сачкова буквально душу вынимает из читателя, (первый раз воспоминания собаки, второй – самый конец, – вот где слезы подкатывают невольно), однако большую часть времени сыплет забавными замечаниями, некоторые из которых еще и выделены в забавные же сноски. Там много неожиданно смешных мест, довольно часто приходится подсмеиваться, но фраза, «Таня всегда кричала в постели. Прямо как в порнофильмах, только с той разницей, что она делала это не от страсти, а на нервной почве», поймала меня так неожиданно, что пришлось фыркнуть чаем в монитор.

Герои так узнаваемо цапаются меж собой, но это много кто умеет на самом деле. А вот рассказывать о том, чем все из них заняты, именно о работе – вот тут, бывает, у авторов случается затык. Совсем не то у Светланы. На сценах с сотрудниками роспотребнадзора и пожарной охраны можно только встать и аплодировать, честное слово.

Не знаю, что еще сказать (не знаешь – не говори). Есть книги, написанные рассудком. Читаешь, понимаешь, почему это хорошо, нужно, своевременно, и все такое. А есть книги, про которые точно не забудешь, но просто не понимаешь почему. Очень хочется, чтобы читатель с мыслью, «Сейчас проверим, что тут такого замечательного», приступил со скепсисом, потому, как сейчас без скепсиса? и постепенно пережил растворение этого недоверия.

Мужчины похищают ребенка и остаются положительными персонажами? Да запросто!
(Алексей Сальников)

Глава 1

Людам свойственно преувеличивать

«Чезаре Борджа зарезал зятя из-за любви к собственной сестре, состоявшей в интимной связи с их отцом – Папой Римским».

Таня оперлась подбородком на руку. Ветер перевернул страницы. Ветер стального голубого цвета.

«Не образец морали, конечно, – подумала Таня. – Но, во всяком случае, не убожество». Больше всего на свете ее удручало убожество. Ума и души.

Таня кусала ручку и смотрела за окно, вдаль.

Это был заурядный день ранней осени. Яркими пластами солнце вливалось через распахнутые створки, падало на стол и вздымало пылинки. В жарком мареве тонули панельные дома и кроны деревьев разнужденных желто-рыжих оттенков. На небе – ни облачка. Вороны запрокидывали головы в истоме и разевали рты, издавая гортанные крики из глубины своих тел, тренированных экстремальными условиями.

В куче листьев у дороги что-то закопошилось. Однако Таня этого не заметила, поскольку смотрела совершенно в другую сторону. В сторону ветра стального голубого цвета. Чезаре Борджа... Борджиа Цезарь... Убожество. Убожия Цезарь. У бога же. У бога же резать. Отрезать от бога кусочек, чтобы узнать, из чего он сделан. Пришлите, пожалуйста, почтой – очень интересно посмотреть.

Под листьями между тем происходило следующее: розовый червяк без глаз и без носа тыкал туда-сюда закругленным концом, имевшимся у него вместо головы. Черный блестящий жук толкал перед собой скорлупку от фисташки, обустроивая быт. Быт его состоял пока из пустой сигаретной пачки и промасленной газеты.

Все? Кажется, все. Может, было еще что-нибудь?

Сухая листва, обрывки целлофана, бумажки, окурки – раздвинулись. На свет выползло крошечное существо вроде карлика и сердито нахмурилось.

Ветер густо и сладко пах оранжевыми, будто испеченными до готовности листьями. Хотелось холодного лимонада. Таня вдруг обреченно охнула: бросила взгляд на часы и увидела, что уже половина второго. Она вскочила и начала собираться. Почистила зубы, избегая глядеться в зеркало, причесалась, разыскала ключи, выдернула из шкафа одежду.

Серая юбка в клетку. Ноги худые и угловатые.

Таня проверила плиту и тщательно заперла за собой входную дверь.

Сентябрь в Москве бывает жарким. Горячим и горючим. Над мегаполисом стоит, как желе, раскаленный воздух. Тлеют торфяные болота, которым нет дела до легких, детских и взрослых. Двигутся миллионы машин на бензине, не очищенном от свинца: им тоже нет дела. Исторгают смертельные выхлопы. На облагороженные газоны высаживают по распоряжению мэрии анютины глазки. Они лукаво подмигивают и делают вид. Достойный вид. Однако на мебели каждый день оседает миллиметр неизвестных веществ – хоть окна не открывай¹.

¹ Дождь тоже не лучше. Дышать становится легче, но на улицах появляется жидкая грязь. Обувь, подошвы плащей и юбок, штанины и детские куртки пропитываются коричневой массой – и тогда по громадному городу из стекла и бетона движется бесконечная, измазанная глиной толпа.

Выйдя из подъезда, Таня сощурилась. Сияющий воздух отражался в сером асфальте. Метался и сдавленно чавкал ковер, выбиваемый твердой старушечьей рукой. Бряцали железками автолюбители из-под открытых капотов и почесывали зады руками в машинном масле. Таня медленно побрела к автобусной остановке, разглядывая деревья, людей, собак.

Мимо пропылил ногами мальчик: красные сандалии, зеленые носки. Вскоре он запрыгал по автомобильным покрышкам, вкопанным торчком вокруг клумбы в качестве украшения и покрытым масляной краской. Удерживал равновесие, помогая себе руками, пыхтел и старался. И уже через пять секунд на него заорали стоявшие поблизости тетки. Злые глаза. Толстые, из жидкого теста руки.

– А ну слезь сейчас же! Ты их не вкапывал, на карачках не ползал? Вот и нечего! Они и так на честном слове держатся!

Мама мальчика, робкая, в ситцевом платье, пробовала вступиться:

– Ну зачем вы кричите? Это ребенок... Ему же хочется попрыгать... Откуда он знает...

Тетки (довольно молодые, но уже точно тетки) подбоченились по-тетковски:

– И чего теперь – ребенок! Мы своим детям не разрешаем тут лазить! А если ему луну с неба захочется?! Вы будете эти шины обратно закапывать, если они повалятся?

Мать и сын ушли, взявшись за руки. Оплеванные. Два худеньких насекомых вместе побрели прочь.

Таня была впечатлительной девушкой с тонкой душевной организацией. Каждый раз, как ей делали больно, внутри у нее что-то тихонько лопалось и восстановлению больше не подлежало. Иногда она пыталась понять, сколько у нее того, что лопается, и что будет, когда лопнет самое последнее.

Она практически побежала на остановку, не оборачиваясь, и потом целый день не могла забыть эту сцену. Еще долго на разные лады она сочиняла ответные реплики мальчиковой мамы.

Ей следовало веско, значительно, глядя той тетке прямо в глаза, сказать:

– Люди важнее колес. И пока вы этого не поймете, вы будете такой же несчастной и злоющей.

Тетка бы хмыкнула презрительно:

– Это я-то несчастная? Да что ты мелешь, ненормальная?!

Тут надо произнести очень отчетливо:

– Счастливые люди злыми не бывают.

И, развернувшись, спокойно уйти.

Или другой вариант:

– Вы разве не знаете, как нужно себя вести, чтобы достичь результата? Следует вежливо попросить: «Пожалуйста, объясните ребенку, что не стоит прыгать по шинам, так как они слабо держатся». Я бы с радостью выполнила вашу просьбу. А если вы начинаете орать и хамить, в ответ вы можете получить такие же оскорбления.

Сама Таня никогда бы не решилась вмешаться. Да и будь она мальчиковой мамой, сбежала бы точно так же, опустив глаза.

Между прочим, карлик все это видел – тот, что недавно вылез из кучи опавшей листвы. Наблюдал он за этим плевым, в общем-то, происшествием очень внимательно. И явно получал удовольствие.

Пассажиры скособоченного автобуса были напряжены. Они рефлекторно, бесцельно проводили пятерней по волосам, поправляли обшлага, теребили авоськи. Вынужденная пауза в

жизни будто застала их врасплох, и на любой взгляд они реагировали враждебно. Таня сразу прошла в середину – туда, где автобус сгибался при помощи резиновой гармошки, – съежилась и постаралась ни на кого не смотреть.

Вскоре к ней подошла кондуктор в толстой вязаной кофте, круглощекая, низколобая. Таня отцепилась от поручня и начала судорожно рыться в кошельке. Тут автобус мотнуло, и кондуктор поддержала ее за локоть, чтобы Таня не упала. Это растрогало ее до слез.

На остановке вошли подростки мужского пола и посмотрели на нее бесцеремонными голубыми глазами. Таня вспыхнула и потупилась. Ей бы поразмыслить о том, что пора наконец сделать усилие и начать выглядеть старше, поработать над собой. Чтобы подростки не принимали ее за подростка. Вместо этого она все еще думала о злой тетке, зеленых носках и тоненькой маме.

(«...Вам что, нечем занять свои мысли, кроме как старыми покрывками? Рано или поздно случится нечто, в сравнении с чем эти шины покажутся вам ерундой. В тот момент вы поймете, ЧТО на самом деле является важным!...»)

Такого просто не должно было быть – в природе. Так ей казалось.

Автобус надолго задержался на светофоре, и Таня стала смотреть в окно. Там виднелась палатка «Мороженое» и вагончик с шаурмой и курами-гриль. В палатке продавались несвежие шоколадные батончики, соленые орешки в хрустящих пачках и засохшие жвачки. В качестве демонстрации ассортимента к стеклу были приклеены пустые обертки, которые поблекли от времени. Продавец шаурмы с синим от буйной щетины лицом жмурился на солнце, уперев руки в бока. Его белый передник был измазан жиром, а лоснящийся рот выглядел так, будто только что вкусно поел. Голова шаурмена наполнилась радужными надеждами в виде корпусной мебели. Сзади него вращались обугленные остовы дрожащих куриных жизней. Таня в негодовании отвернулась.

Она теперь горько сожалела о том, что вышла из дома. Надо было плюнуть на все и остаться. Поступить, наконец, так, как хочется, а не так, как надо. Она представила, что могла бы в этом случае делать: сидеть у окна и рассматривать птиц, думать о своем, курить и есть картошку с солеными огурцами. Она могла бы выйти из подъезда и нырнуть в соседний, где недавно открылся книжный магазин. Там бы она бродила вдоль полок, открывала книги на первой попавшейся странице и долго читала – возможно, до самого вечера...

А теперь день явно не заладился. Таня плелась ко входу в метро. На подступах к нему располагались тележки с замороженными продуктами и замороженными продавщицами. Тележки с хот-догами. Бабушки с пачками пластиковых пакетов. Бабушки с котятками. Бабушки с фиалками в горшочках из обрезанных пластиковых бутылок. Огромные рыбы головы на перевернутых вверх дном деревянных ящиках. Лотки с воблой, семечками, стельками, средством для чистки ковров. Девушка-попрошайка: «Пода-айте на хлебушек!» С пришепетыванием. Со страшным лицом.

Высоким, твякающим голосом тетка кричала: «Девочки, покупайте джемпера! Недорого, все размеры!» Невдалеке остановился полицейский уазик, и торговцы стали сгребать товар и спасаться бегством. Наиболее смелые распахивали барахло по баулам и делали вид, что они просто так здесь, воздухом дышат.

В вагоне Таня поместилась в самом углу: спряталась за обширной дамой, облепленной потным шелком. Постаралась максимально отодвинуться от нее и полезла в сумку за книгой. И тут ее ожидал подвох: книги не оказалось. Ей снова не оставалось ничего, кроме как наблюдать за окружающей ее жизнью.

Много лет она страдала от пластиковых пакетов. Женщины и девушки часто носили в руках пакеты различных степеней уродства – независимо от того, была ли у них при этом еще стильная сумка или разваливающаяся кошелка. Тане была непонятна культура пакетов. Она могла согласиться с тем, что люди носят в пакете продукты из магазина. Но их почему-то брали с собой в качестве аксессуара. Видимо, на тот случай, если возникнет необходимость что-нибудь куда-нибудь положить. Она готова была смириться с пакетами хорошего качества, которые сверху затягивались при помощи шнурка. Такие еще могли нести посильную эстетическую нагрузку. Но остальные... Особенные терзания доставляли Тане пакеты «Марианна». Белые в вертикальную черную полоску, посередине – черный силуэт некой дамы в шляпе, – вероятно, Марианны. Поскольку сверху было написано Marianna. Таня ее ненавидела. Стонала каждый раз, как встречала ее.

Марианна, псевдоэлегантная, уверенная в себе, в шляпе с пером. Пошлая и вездесущая. Таня, давно-уже-не-школьница в серой юбке. По-прежнему застенчивая и ранимая.

От конечной остановки метро ей предстояло долго идти пешком. Она взглянула на часы: было без двадцати четыре. Двадцать до четырех. Двадцать до шестнадцати. От шестнадцати до двадцати как раз четыре. Шестнадцать – четырежды четыре. Красивая цифра шестнадцать – розовая и надежная. А до двадцати нужно успеть завершить четыре дела: успешно пройти интервью, поплавать в бассейне, навестить родителей и забрать из ремонта туфли.

На рукав к ней присел осенний комар. По его согбенной фигуре было понятно, что он вынашивал мысль о бренности всего сущего. Наверняка ощущал неотвратимость своей скорой кончины. Таня сопереживала ему. Она испытывала похожие чувства, собираясь наняться в фирму, торгующую телескопами.

С другой стороны, ей же надо на что-то жить.

Она дернула ручку двери и вошла в приемную.

Как назло, ей очень хотелось в туалет, и в течение минуты она решала, удобно ли об этом спросить. Секретарша с высоким бюстом заносчиво стучала по клавиатуре; Таню она не удостоила даже взглядом. Тогда Таня стремительно вышла, тоже не сказав ей ни слова.

Вот и покончено с первым делом; не видать ей телескопов и звезд. Ну и ладно! Значит, это не ее место. Значит, ее здесь не ждали. Теперь она засобиралась в бассейн. Правда, в таком состоянии добраться туда нечего было и думать: в животе начинались колики. Таня поозиралась и обнаружила через дорогу железнодорожную станцию. К подобным местам она питала стойкое отвращение как к средоточиям криминала и грязи, но других вариантов не видела. Вот ее сестра Лиза могла бы зайти в любой ресторан, сделать все что нужно да еще получить в придачу кофе с мороженым. Капуччино и ванильное с орехами. Она сидела бы за столом, красиво держа сигарету, а мужчина с белой улыбкой говорил бы без остановки. Наверное, так².

Бодрым и мелким шагом Таня направилась к цели. По улице цвета пыли и заветренной колбасы.

В туалете стояла длинная змеевидная очередь. От нее во все стороны оттопыривались туки, сумки и цыганские грудные младенцы. В одном месте даже торчало кверху целое дерево, обернутое в полиэтилен. Очередь довольно быстро двигалась к недрам – они угадывались по

² Летом Тане впервые довелось использовать голубую кабинку под названием «биотуалет», какие во множестве стоят в местах скопления людей. До этого она полагала, что биотуалет – это такое высокотехнологичное устройство, засасывающее материал и превращающее его в нечто безопасное для окружающей среды и обоняния. А вот и нет. Оказалось, что внутри него – просто яма с кашками и неустойчивым пластиковым верхом, на который нельзя забираться с ногами, а садиться – немыслимо. С тех пор Таня в качестве варианта подобные сооружения не рассматривала.

запаху. Таня стиснула зубы и встала в хвост. Ноги в английских ботинках и примерная серая юбка.

Вскоре стало понятно, что пользовательских мест в заведении равным счетом одно. И какое! Увидев его из-за мохеровой спины соседки, Таня оцепенела: удобства представляли собой отверстие в полу на некотором возвышении, но без всякого ограждения в виде двери, перегородки или хотя бы чего-нибудь, хоть полупрозрачного. Сверху громоздился сливной бачок со шнурком. Было трудно поверить, что это сооружение существует прямо сейчас, в наше время, всего в километре от МКАД.

Лихорадочно осмысливая возможность бегства, Таня представила себе взгляды, которыми ее наградит очередь. Как расплывутся в высокомерных улыбках физиономии. Вот будет позор... В конце концов, нельзя же быть такой сюсей, как говорит мама. Правда, не о Тане. Мама говорит это о ком-нибудь еще, но всегда очень значительно.

Молодая цыганка сунула младенца крошечной чумазой дочери, деловито приподняла пестрые юбки и зажурчала, постанывая от удовольствия. Затем пихнула младшего под мышку, стянула с девочки грязные рейтузы и подтолкнула к дыре. Очередь перетаптывалась в тесноте, в достижении возможных брызг. К этому моменту Таня уже превратилась в зомби. В голове у нее было пусто, если не считать посторонний писклявый голос, который вел обратный отсчет: «четыре... три... два... один».

Таня вошла на постамент, окончательно отрезившись от наблюдавших за ней женщин. Аккуратно спустила трусы, присела не очень удобно, но скромно, сдвинув колени. Ботинки мысками внутрь. Взгляд вниз. На эмалированной емкости сеть мелких трещин. Ржавчина там, где когда-то стояла вода. Ык! Ык! Электрический сигнал мышцам.

- Ну! Давай!
- Ты че, заснула?!
- Че так долго?
- Але, начинай!

Голосила очередь на разные лады.

Так ничего и не сделав, Таня ушла, сопровождаемая насмешливыми взглядами. Больше ей ничего не хотелось и на все стало плевать. Следующим пунктом в списке стоял бассейн – для поддержания организма в относительном равновесии. Для правильной осанки, которая никак не желала прилепляться к Таниной спине³.

(«Поднажми! Ну, напрягись! Да нет, пусть расслабится... Не видите, она боится... Когда боишься – не получается... Давай, выжимай...»)

Плавая, Таня переживала свой недавний позор. В резиновой шапочке она была похожа на инопланетянина.

(«Что у тебя там? Оформившийся, жидкий? Слушайте, а у меня, когда я творогу поем – прям как у козы, горох какой-то. Выстреливает таким залпом. Да ты че? А я если кефира не попью, два дня или три в туалет не хожу. Да-да, вы знаете...»)

³ Тут уместно вспомнить похожий случай. Однажды Таня легла в больницу на плановую операцию. В палате ей и еще одной женщине велели раздеться догола и забраться под одеяла. Одежду тут же унесли. Но Тане вдруг страшно захотелось в туалет... В палате в это время находился анестезиолог, совсем молодой человек: он что-то оживленно рассказывал. Когда она уже начала падать в обморок, зашла медсестра, которую и пришлось оповестить о неодолимом желании. Та поставила на середину комнаты утку и разрешила ее использовать ровно на этом месте и больше нигде. Анестезиолог так же увлеченно продолжал рассказывать Тане свою историю, пока она, совершенно голая, писала на середине комнаты. Для него это было, видимо, в порядке вещей. А Таню еще полгода мучили кошмары.

Поразительно, до какой степени многие готовы участвовать в жизни других и впускать их в свою. Причем как торговки на рынке, так и интеллигентные бабушки. У вторых голос чуть тише, но все равно их прекрасно слышно. Наверное, они не нуждаются в частном пространстве. А может, им просто неведомы границы между человеческой личностью и окружающим миром? Как младенцу, не разбирающему, где кончается он и где начинается мама.

На соседней линии эффектно плавал молодой человек: взмахивал руками отточенно, и брызги переливались в галогеновом свете. Таня залюбовалась. И ей почему-то почудилось, будто он ее замечает. Когда они вместе оказались у бортика, она вдруг сказала:

– Очень красиво плаваете.

И сама удивилась.

Парень устался на нее, словно изумляясь тому, что подобное существо вообще может говорить. Буркнул что-то нечленораздельное и сразу ушел под воду. Тогда Таня подумала: «Ну и ладно, просто перестану ходить в бассейн». Правда, так в Москве в скором времени могло не остаться мест, куда она могла бы пойти. Где она уже только не опростоволосилась.

В следующую их встречу у бортика Таня попыталась реабилитироваться. Объяснить, что она имела в виду. Начала излагать, но вышло неубедительно, нечто вроде:

– Э-э... А вы сами... Ну да... Красивый, в общем... Я имею в виду, здорово плаваете.

Поскольку на лице у парня ничего не отобразилось, Таня решила, что он тупой. Но он сплюнул воду и важно сказал:

– Это потому что я уже давно занимаюсь.

После чего стал медлить около бортика, а она, наоборот, до конца не доплывала. Дернул же ее черт заговорить с мужчиной.

Таня нарочно задержалась в раздевалке: долго стирала купальник, мазала ноги кремом. Но на выходе обнаружила, что молодой человек топчется у гардероба. Теперь у него были волосы, и оказалось, что он умопомрачительно красив. Она испугалась и чуть было не побежала обратно. Но парень ее заметил.

Подошел и представился:

– Меня Вова зовут. А тебя?

– Таня, – промямлила Таня.

Вова проводил ее до родительского подъезда на Малой Бронной и записал телефон. Таня умоляла небеса, чтобы никто из домашних не выглянул в окно – улыбочек и расспросов потом не оберешься. На прощание Вова протянул руку к ее лицу и заправил за ухо свисавшую на лоб прядь. Когда его пальцы скользнули по ее щеке, у Тани перед глазами посыпались серебряные цыплята.

Мама открыла дверь и сказала:

– Кто к нам пришел.

Затем стала с любопытством разглядывать дочь, забыв, очевидно, что в таких случаях делают дальше.

Таня вздохнула:

– Может, ты меняпустишь? Или мы проведем этот замечательный вечер прямо здесь, на резиновом коврике?

– Ах да, извини.

Снимая ботинки под ее пристальным взглядом, Таня запуталась в шнурках.

– Сколько лет, сколько зим, – изрекла мама. – Уже месяц обещала приехать.

– Не месяц, а десять дней.

На кухне мама уселась за стол, оперлась на него локтями и положила голову в ладони. Щеки ее при этом приподнялись, и глаза получились узкими и смешными. Мама приготовилась слушать.

Таня, чтобы потянуть время, подошла к плите и подняла крышку кастрюли. Там оказалась гречка, сильно пахнувшая гречкой – и еще немного каким-то пластмассовым запахом. В сковороду она заглядывать не стала.

– Есть хочешь?

– Не очень. Может, чуть позже.

Таня села напротив.

– Что нового? – спросила мама.

– Ничего особенного.

– А все-таки?

– Я, как всегда, хотела покончить жизнь самоубийством, но передумала.

– Такими вещами не шутят! Как прошло собеседование?

– Неплохо. Меня вежливо слушали, поили чаем, кормили печеньем. Но я едва пригубила – решила хоть разок повести себя прилично.

Они помолчали.

– Нет, ну почему ты мне ничего не рассказываешь? – вдруг возмутилась мама. – Я тебе что, чужой человек?

– Да нечего рассказывать, мам. Ничего, что могло бы тебя заинтересовать: никаких пожаров, наводнений, а также предложений руки и сердца не было.

Даже если бы было... После шапки, после желтой шапки, делиться хоть чем-то стало невозможно.

Мама надула губы.

– Вот всегда ты была такая, с самого детства. Не как другие дети. Слова из тебя не вытянешь. Просто кошмар.

Она взяла из пачки сигарету и придвинула к себе пепельницу.

– Я всегда любила хулиганистых детей, бойких. А такие флегматичные, которые сидят на одном месте и никому не мешают, мне никогда не нравились. Вот ты как раз такой и была. Только ты еще была немножко заторможенной.

Сказано это было обычным маминым тоном: рассудительным и наполовину отсутствующим. Как будто она все время занималась чем-то более важным. Глаза ее, большие и очень светлого голубого оттенка, ничего не выражали – как осенние лужицы.

Таня вздохнула и тоже потянулась за сигаретой. Она вспомнила, как в прошлом году случайно подслушала разговор между мамой и Лизой. Тогда они сидели здесь, за столом, не зная, что Таня вошла в прихожую и надолго зачиталась там старым журналом. Мама говорила:

– Ты меня, Лизка, прости, что я тебя ругала все время за твои похождения... Я только теперь поняла, что лучше уж так, чем...

Тут она понизила голос:

– Вот Таня действительно меня беспокоит. Я прямо боюсь... в тихом омуте сама знаешь что. Она все молчит, вся такая странная. Кто знает, что она может выкинуть.

Таня тогда даже спину выпрямила. Отчего-то почувствовала себя очень значительной.

Вскоре умерла бабушка с маминой стороны и оставила им всем однокомнатную квартиру. На семейном совете решено было отдать ее Тане. Лиза сначала страшно разгневалась и пыталась если не забрать ее себе целиком, то хотя бы поселиться вместе с сестрой. Но затем поразмыслила и решила, что еще не известно, кому из них повезло.

Таня не сразу узнала появившуюся из ванной фигуру, завернутую в махровое полотенце и вытирающую мокрые волосы его краем. Сестра замерла на мгновение, и выражение ее лица в эту секунду было не очень осмысленным. Затем она процедила сквозь зубы:

– Кого я вижу.

– Привет, самая обаятельная и привлекательная, – Таня постаралась вложить в ответную реплику ровно столько же иронии, но это ей удалось не совсем.

Мама удовлетворенно разглядывала их обеих. Таня села подальше от сестры, так, чтобы можно было смотреть в окно. Лиза взяла яркий лак для ногтей и с увлечением окунулась в мир красоты и самоусовершенствования. Мама ухватила за соседнюю баночку и тоже начала красить ногти. Таня стала незаметно раскачиваться на стуле.

Лиза была ее близнецом, совершенно однойцевым. Похожая на Таню как две капли воды, Лиза была красавицей. Иногда даже ослепительной. Тем не менее, себя Таня считала уродиной и при встрече с новым человеком старалась упредить его мысль и признаться: да-да, я уродина, я это знаю. После чего уже можно было свободно вести беседу. Вот как сегодня с Вовой... Он долго смеялся. Таня в запале сказала ему, что старается не общаться с красивыми людьми.

– Танюша, а почему ты не красишься? – неожиданно поинтересовалась мама. – У тебя небольшие глазки, им не помешала бы хорошая тушь. Я могу тебе подарить, хочешь?

Мама ненавязчиво подчеркивала их с Лизой якобы различия. Глаза у сестры были такими же и по форме, и по размеру, но мама никогда бы не сказала что-то подобное в их адрес.

А Таня уже давно научилась не обращать на это внимание.

– Понимаешь, мам, я не могу идти на поводу у своих небольших глазок. Мало ли что еще им станет необходимо... Особенно если они слушают тебя.

Лиза хмыкнула.

– Ой, чтой-то у тебя на носу! – вскрикнула вдруг мама, любовно глядя на нее. – Прыщик! В тебя кто-то влюбился!

Таня закатила глаза к небу, апеллируя к невидимому собеседнику. Лиза не прервала своего занятия, только пробубнила:

– Если б на нем еще и написано было, кто именно...

Мама радостно подхватила:

– Ой, а когда ты была маленькой и врала, я тебе говорила: не обманывай, у тебя на лбу написано, что обманываешь... И вот как-то раз ты приходишь ко мне и говоришь: это не я шоколадку съела, правда-правда! Читай у меня на лбу!

Таня посмотрела в сгущающиеся влажно-голубые сумерки за окном. Затем на банки с вареньем на подоконнике. Их было несколько штук, литровых, и во всех нежно отливало розовым и оранжевым абрикосовое варенье – очевидно, свежее. Таня взяла одну из банок, подняла ее к свету. В каждой прозрачной абрикосине темнела сердцевинка, заботливо вынутая из косточки и вложенная в мякоть.

Всех этих чтений на лбу Таня не застала. Первую половину детства, до школы, она прожила вдали от родителей, у деда и бабки в южном провинциальном городе с белыми маза-ными домишками, кривыми яблонями и курами. Родители не справлялись с двойней: они работали и писали кандидатские. Разлучить близнецов им показалось возможным, поскольку те до странности различались характерами и, казалось, не были особенно близки. Лиза в год начала разговаривать; Таня молчала чуть ли не до пяти. Когда мама с ужасом вспоминала об этом, Таня лишь пожимала плечами. Она прекрасно помнила это время. Молчала она потому, что ей нечего было сказать. Когда она все же заговорила, то сразу – длинными осмысленными предложениями. А Лиза долго болтала всякую чепуху: ла-ла, уля, кумоля, пипа... И по сию пору

Таня старалась держать рот на замке, если не считала, что может привнести в беседу что-нибудь ценное. Ну, сегодняшний случай не в счет. Хотя он действительно очень красиво плавал.

– Может, все-таки поешь? – осведомилась мама. – Ты совсем позеленела от своих бесконечных соленых огурцов!

– Так кажется только неинформированным людям, – парировала Таня. – Специально для вас сообщаю, что я также ем картофельное пюре и тосты с кабачковой икрой.

– А у нас в сковородке куриные котлетки... – Мама стыдливо хихикнула. – Но для тебя есть еще жареная рыба, в холодильнике.

Таня поморщилась. Зачем было говорить про котлетки?

– Я лучше попою чаю с вареньем, если ты не против.

– Тогда поставь чайник... Как это можно – сладкое на голодный желудок?!

Таня взяла чайник и подошла к мойке налить воды. Лизу всегда тошнило от сладкого перед едой, так как мама с детства внушала ей, что от сладкого перед едой тошнит.

В этот момент Лиза дула на ногти. А в следующий она заявила, как будто продолжала разговор:

– Катка вот сделала себе прическу за восемь тысяч. Прикинь! У Шевчука...

Когда Таня полезла в хлебницу за батоном, мысль Лизы получила неожиданное развитие:

– А Ленка работает в автосалоне, и самая дешевая иномарка у них стоит три миллиона. Прикинь, какие там дядьки ходят!

Обращено это было к маме, но прикинула Таня. И ужаснулась.

Потом они вместе пили чай, и это было похоже на семью. Мама и Лиза подтрунивали над Таней, глядя, как она намазывает белый хлеб сливочным маслом и кладет сверху варенье. Лиза блюла фигуру и чай пила с сырым яблоком, нарезанным на маленькие кусочки. Этот яблоко-чай был глупым и одновременно трогательным. Тане в какой-то момент даже захотелось протянуть руку и погладить сестру по щеке.

Но тут произошла следующая вещь. Так уже бывало не раз, поэтому ничего сверхъестественного видеть в этом не следует. В памяти у Тани всплыла как бы Лиза в целом. Лиза в целом представляла собой Лизу плюс ее давнишний поступок, который по всем кармическим завязкам должен был висеть над ней постоянно, неотступно следовать серой тенью и в конце концов взорваться чем-то страшным.

Вообще, с Лизой были связаны различные странные вещи. Иногда Таня думала, что ее на самом деле нет, а есть только Лиза. Или не так. На самом деле она – это Лиза. Их не двое, а одна. И получалось, что у Тани над головой сейчас висит сизое облачко, в котором все про нее записано. В то время как она ест яблоко с чаем, красит ногти и несет чушь.

Таня застыла. Капля варенья свесилась с края стола и опустилась на серую юбку. К счастью, в замке заскрежетал ключ, и в коридор ввалился младший брат.

У него был рот до ушей, в ушах наушники, а в глазах черти. Он явно выпил.

– Хай! – крикнул Макс. С трудом балансируя, развязал кроссовки; скидывая куртку, запутался в рукавах и начал падать. Мама вскрикнула, Лиза замерла, прикуривая сигарету, а Макс тем временем успел пробежать в гостиную и где-то там довольно мягко приземлиться. Таня решила, что дочерний долг выполнен и можно уходить.

Она оперлась на стену в прихожей и надевала обувь. Мама, укоризненно поджав губы, стояла рядом и выражала всем своим видом: ну и дочь. Вот расти такую, расти... Неблагодарную.

Скукоженные зимние ботинки в углу. Один накренился, как будто невидимая дама подвернула ногу.

– Как Зоя? – спросила Таня, чтобы не упасть под тяжестью маминых мыслей. Зоя была лучшей маминной подругой.

Мама оживилась и разинула глаза:

– К ней наконец-то переехал Сережа! Представь, он ее все-таки добился. Два года! Вот это терпение. Но, ты знаешь, она на это на все очень скептически смотрит.

– Почему?

– Ну как... Он же почти на двадцать лет ее младше... Он старше Сашки всего на три года! Отчим! Представляю себе!

Она вздернула нос.

– Ну и что... – Таня застегивалась. – Подумаешь. Он же ее любит. Сама говоришь – терпение.

Мама смерила ее снисходительным взглядом: мол, ничего-то ты не понимаешь в мужчинах.

– Ну представь, молодой мужик. Ему захочется своих детей. А у нее внуки пойдут вот-вот! Ну, или если считать ту девочку, то уже давно пошли. И потом, сейчас ей пятьдесят шесть. Через десять лет он будет таким же молодым мужиком, а она станет старухой! Любовь любовью, а тело... Тут ничего не попишешь. Надо было заранее, как Джейн Фонда, с молодых ногтей зарядку делать.

Таня вздохнула:

– Мам, ты преувеличиваешь.

Тут вмешалась Лиза, окутанная сигаретным дымом:

– Нет, ну вот ты представь, наша маман сейчас с молодым чуваком стала бы встречаться. И как бы ты реагировала? Каково Сашке, ты думаешь?

Таня фыркнула. Мама насторожилась и подозрительно на нее посмотрела:

– Ты что, думаешь, я не могу влюбиться?

Открывая дверь, Таня попятилась и крикнула:

– Макс, пока!

Нечто невнятное из комнаты.

– Нет, скажи, ты считаешь, что я не могу влюбиться? – наседала мама. – Вот возьму и влюблюсь!

Она стала угрожающе размахивать руками.

– Умоляю, не надо. А то у меня будет нервный срыв... Всем пока, папе привет.

И Таня ринулась вниз по лестнице.

Забрать туфли из ремонта она не успела. Чтобы не пустить остаток вечера коту под хвост, Таня решила сделать что-нибудь для себя. Что-нибудь просто приятное. И хотя денег у нее почти не осталось, а надежда устроиться на работу лопнула в воздухе с пшиком, она отправилась в кино.

Там давали французский ромком – как раз то, что надо. Для души, которая пела сейчас что-то вроде The Time of My Life, а не обычное тревожное трень-трень. Ведь сегодня она встретила Вову, который почему-то ей заинтересовался... Этому пока находилось единственное объяснение: он был странным. Таня не допускала мысли, что может понравиться обычному, нормальному мужчине. О, она очень хорошо знала, какие женщины привлекают мужчин. Уверенные в себе, с пушистыми ресницами и нежным взглядом, за которым, если присмотреться, скрывается нержавеющая сталь. Те, кто, проходя мимо зеркала, смотрят в него, будто в лицо противника, а потом с сосредоточенным видом прижимают друг к другу губы, чтобы распределить помаду. Одним словом, не Таня.

Но сейчас был редкий момент, которым можно было насладиться вволю: все еще только начиналось, и все было возможно. Пока.

Таня смотрела на экран. Там какие-то люди бегали, целовались, хлопали дверцами красивых автомобилей, ели круассаны в постели, корчили рожи. Она не понимала, что происходит, и не следила за сюжетом – ей просто было очень хорошо. Она будто провалилась в чудесный, сказочный мир. Почти как в одном детском сне, который она помнила до сих пор. Тогда она оказалась в королевстве булок: земля там была сделана из мягкого теста с изюмом и кремом; дворцы, деревья, птицы и человечки – все были сдобными, в вензелях варенья и россыпях ягод. И облака из взбитых белков.

Потому что Вова сказал: «Позвоню».

Она не ела весь день – если не считать чай с двумя бутербродами, – и по пути домой от автобусной остановки ощутила голод. Видимо, из-за его жестких лапок, которые вцепились в желудок, она отвлеклась и не заметила в темноте толпу. Таня въехала в чье-то мягкое туловище, на нее шикнули и недовольно пихнули. Замерев в заднем, плотно сомкнутом ряду, она прислушалась к разговору стоящих впереди:

– Да я своими глазами видела, что скорость была небольшая... Он вроде еле-еле ехал-то... Но когда она выскочила и он ее стукнул бампером, то она вверх, наверное, метра на два подлетела! Перекувырнулась, и вот так – плашмя – об асфальт... Ужас! Сразу было ясно, что насмерть...

У женщины справа мелко тряслась рука вместе с сумкой.

– Да откуда вы знаете? Если б неотложка быстро подъехала, то, может, еще спасли бы... А у нас как – вот я уже минут двадцать стою, а ее все нет...

Таня хотела высвободиться и уйти, но отчего-то не смогла. Вместо этого вытянула шею. Глаза ее привыкли к темноте, и она увидела белую иномарку. Рядом стоял мужчина и растерянно поблескивал очками.

Взвизгнула сирена. Через минуту подъехал микроавтобус с красным крестом, потом полицейский уазик. Люди при исполнении продрались вглубь толпы и обступили нечто, лежащее на асфальте. На несколько мгновений толпа расступилась. Таня зажмурила глаза, чтобы не смотреть, но в последний момент открыла и увидела пухлую ногу, принадлежащую давешней тетке. Той, что ругала мальчика и его тонкую маму. Туфли с перемычкой и перфорацией хорошо запомнились Тане – наверное, потому, что она боялась взглянуть тетке в глаза.

Злая тетка была старше Тани всего-навсего на три года. У нее имелись причины быть злой. Ее не любил муж. Он работал в цеху дверей и решеток, три через три, делал железные двери, простые с кожзаменителем и элитные, покрытые деревом ценных пород. Он много пил, дома и на работе, и однажды отрубил себе кусок пальца. Он бил домашних, душил кошку и не считал, что жене нужна новая дубленка только по той причине, что старая вытерлась и была вся в блестящих проплешинах. Между тем, на семейных праздниках его брат с супругой рассказывали, что купили старшенькому компьютер за две тысячи уе. Супруга эта ходила в спортзал и улыбалась отбеленными зубами, змея. Злая тетка часто запиралась в ванной, рассматривала свои мешки под глазами и нос картошкой. Недовольная свекровь ломилась в дверь, потом с негодованием замачивала носки в тазу и кричала, что в этом доме никто палец о палец не ударит, жены не выполняют своих обязанностей и все в квартире покрыто куделями шерсти.

Теперь злая тетка лежала в пластиковом мешке и силилась всхлипнуть или хотя бы разжать зубы. Она чувствовала, как остывают ноги и руки, как холодеет в груди и наполняется пустотой голова. Звуки наплывали волнами, становились все глуше. Хлопнули дверцы. Руки санитара расстегнули молнию и обшарили карманы. Вынули ключи и отцепили пластиковый брелок, в котором плавали рыбки с большими глазами. И при жизни у нее не было красивых вещей... так что же удивляться теперь.

Таня влетела в подъезд, пулей взбежала по лестнице, почти взломала квартиру, захлопнула дверь – и только тогда почувствовала себя в относительной безопасности. Кинулась включать телевизор, чтобы не оставаться одной, но он отчего-то не заработал и остался безмолвным и темным. Таня вжалась в диван.

Между тем, сквозь стены и перекрытия панельной многоэтажки стали различимы шумы: шуршание, скрежет, далекие истошные крики, смех, стук падающих предметов. Детский рев и бряцанье на пианино. Каждый из этих звуков возникал неожиданно и отдельно, но все вместе они складывались в гул идущего своим чередом процесса. За каждой стеной настойчиво теплилась жизнь.

Пятно на юбке. Вот так всегда... Похоже на кровь. Бр-р-р.

Она преувеличивала: абрикосовое варенье на кровь не похоже.

Есть расхотелось. Таня взяла тетрадь с ручкой, пристроилась к столу и начала писать в дневнике, иногда подолгу вглядываясь в темноту за окном.

Глава 2

Зачем нужна японка-любовница

Саша оторвался от сиденья с некоторым усилием. Что, безусловно, было началом расплаты за неспортивный образ жизни. Он ласково посмотрел на свою серебристую бмв и тихо пробубнил: ничего, делов-то на полдня максимум. Мастера в синих комбинезонах стали подходить издалека, взглядывать оценивающе. Один присвистнул:

– Кузовной...

– Как кузовной?!

Саша оторопел.

– Одна вмятинка на бампере! Откуда тут кузовной? Издеваешься?

– Никак нет! – отрапортовал молодой, взъерошенный, с блистающими черными глазами. Как две надраенные маслины. Саша взглянул на него подозрительно, нахмурился и отправился в офис заполнять бумаги.

В течение часа выяснилось, что машину дешевле будет разобрать на запчасти, чем восстанавливать. Маленькая вмятинка была свидетельством глубоких внутренних изменений. Саша потел и вытирал лоб салфетками. Не зря он отдавал ежемесячно столько бабла за страховку: страховая компания должна была выплатить ему сумму, равную стоимости новой машины. Но ведь предстояло купить новую. Привыкнуть к ней. Полюбить ее. И это второй раз за год!

Много лет мечтая иметь бмв, Саша долго шел к обладанию ею, от самых жигулей. Первая бмв, красная и спортивная, была разбита всмятку, вдребадан – не им, а неизвестными лицами. Он тогда до позднего вечера задержался в гостях и обнаружил свой автомобиль у подъезда в новом фантастическом состоянии: передняя часть сохранилась практически целиком, а задняя сложилась в гармошку. Рядом валялся покореженный бампер от старой волги. Как предположили приехавшие вскорости стражи порядка, какие-нибудь пьяные подростки угнали развалюху и оторвались по полной программе.

Запиликал мобильный.

– Пливет, далагой... – пропищала Хитоми тонким японским голосом, – щаскучирща?

– Эх... – крикнул Саша, – ты не поверишь, я опять без колес остался...

– А?

– Машина уходит на запчасти, надо новую брать... Дура одна затормозила впереди... Я ей рыжую башку ее чуть не оторвал, честное слово!

– О-о... – разочарованно протянула подруга, не посочувствовав, – сто, встлещу пеленещем?

– Да не знаю пока...

Саша задумался.

– Не, давай, все в силе. Домой не хочу идти... Раз такое дело, напьемся сегодня.

– Я не вуду напивачща!

– А тебе и не надо.

Почувствовал себя непонятым и обиженным. За те подарки и деньги, которые она от него получает, могла бы и притвориться – сделать вид, что тоже расстроена. Хотя кто их знает, японцев. Они ведь всегда такие. Чувств своих не показывают.

Вообще-то, именно это в ней Саше и нравилось – помимо раскосых глаз, крошечных грудей и детского тела⁴. То, что Хитоми всегда оставалась бесстрастной. Идеальная женщина:

⁴ – Педофил, – сказал Саше старый приятель, случайно увидев их вместе в ресторане. И облизнулся. «Завидуй, придурок! – подумал в ответ Саша. – Будешь сегодня дрочить на японские мультики». Когда-то этот приятель торговал на Горбушке хентай – японским анимационным порно. Его населяли как раз такие вот девочки: тугие, тонкие, с торчащими твердыми сосками

молчит и слушает, смотрит серьезно; если говорит, то по делу. Зато громко кричит и даже визжит во время секса, а после оставляет записку: «Любовь была очень хорошая». (В конце пририсовано сердечко.)

Он сел в машину в последний раз. Вытащил из бардачка разную мелочевку, взял с заднего сиденья журнал. Тут же швырнул его обратно. Тягостно вдохнул воздух, все еще пахнущий кожей сидений и пластиком. Заморгал вдруг глазом, ощутив выкатившуюся из него крупную каплю. Закашлялся так, что расстегнулась на груди пуговица, и полез вон.

Большой, грузный человек Саша, похожий на огромного младенца. Щеки и глаза круглые, а кожа – бело-розовая. Жена говорит, что ходить с такой физиономией неприлично, потому как она смахивает на зимнюю попу после бани. Он действительно выглядел так, будто целыми днями принимал ванну, а после мазался детским кремом и посыпался присыпкой. Невозможно было представить его грязным. А если все-таки поднапрячься, то в этой фантазии он мог быть перепачканным только мороженым или вареньем. Парадокс, но в то же самое время он выглядел дядькой – заматеревшим и намного более взрослым, чем следовало из паспорта. А все потому, что Саша был усат и пузат.

Глядя в зеркало, он и сам не понимал, кого он там видит. Это служило лишним доказательством тому, что жизнь обманчива. Она то примет обличье толстого дядьки, усмехающегося в усы, а то вдруг обернется глупеньким малышом, с которого нечего и спрашивать. Только вздохнешь да разведешь руками: «Вот такие дела...»

Саша ходил в казаках и черной куртке из грубой коровьей кожи. Под нее надевалась рубаша, часто в полоску или даже в горох – при наличии настроения. А под рубашой, подо всей этой усато-младенческой оболочкой, билось и трепетало нежное, теплое. Саша иной раз тыкал пальцем в это мягкое место и пьяно умилялся.

Не то чтобы он много пил. Просто не мог избежать ощущения времени, за которым нельзя успеть. Тридцать четыре года, середина жизни – многие пути уже отрезаны. Саша бурлил и кипятился, перебарывал желание схватить первого встречного и встряхнуть из него пустой ленивый взгляд, как бумажник с проездным и скидочными карточками в кармашках. Порой ему казалось, что его вот-вот разорвет на части. Некоторые всерьез считали, что у него не все дома. Это постоянное бурление со временем и привело к тому старому бунгало под пальмовыми листьями. С мальчиком в белой шапочке.

Возможно, все это было следствием Сашиной детской болезни, хотя никакая это была не болезнь, как выяснилось позже. Синдром, как называла его жена. Мама предпочитала на эту тему не говорить вообще. Зоя. Зоя, а не мама⁵.

и плоским животом.

⁵ Было так. Мама не разрешала называть ее мамой: она молодилась и искала кандидата себе в мужа. Это сейчас все грамотные и знают, что такое гиперактивный ребенок. Который все время вертится, прыгает и не умеет себя контролировать. Когда говорит, захлебывается, брызгает слюной и плохо выговаривает некоторые звуки. И вдобавок по дороге сшибает предметы, потому что, согласно диагнозу, у него страдает координация. А в те времена от Саши просто шаркались. И что делать, если у него мама, которая не мама, которая хочет казаться утонченной и загадочной, которая богемна и ранима, и красива тонкой красотой? В общем, вместо школы его отправили в интернат, где он и пробыл до окончания одиннадцатого класса. Абсолютно никто не ожидал, что Саша поступит в институт (хоть и не с первого раза), закончит его пусть не с блеском, но очень прилично и станет зарабатывать деньги. Позже гиперактивность напоминала о себе лишь тем, что он не мог надолго сосредоточиться на чем-то одном. Ходил стремительно, был неуклюжим, горячим и неуемным. Любил быструю езду. И от него во все стороны веяло физической силой и сумасбродством. Мама, успевшая за это время несколько раз побывать замужем, навсегда осталась для него Зоей. В детстве он так боялся ее, так не хотел огорчить, что просто деревенел в ее присутствии и смотрел в пол. Поэтому никакого образа мамы из прошлого у него не осталось. Зато Саша хорошо запомнил мамину подругу Анастасию Викторовну с ее огромными голубыми глазами. Как-то она приехала вместе с Зоей к нему в интернат и привезла конфет и яблок. После этого, ложась спать, он часто думал о ней.

Оказавшись без колес, Саша ощутил странную легкость. Как будто отменили уроки, и у него возникла масса свободного времени. Для начала он позвонил на работу и сказал, что не придет. Пусть разбираются без начальника. Потом решил прогуляться по городу и заодно постричься, потому как давно собирался. И еще потому, что ничего лучше не придумал. Отчего-то куча проблем, требовавших неотложного решения, а также все то, что он давно мечтал сделать, когда будет свободная минутка, позабылось начисто, попросту улетучилось.

Он шел по улице, шурился на солнце, бормотал под нос, размахивал руками; прохожие обходили его стороной. Большущий человек с огромными ладонями.

Настроен он был философски. Вернее, он себя так настроил, чтобы не раскисать. После того, как Сашина первая, красная бмв была списана целиком, он купил эту, серого цвета металлик. Совершенно новую: ее только что пригнали с завода в Баварии, сияющую, прекрасную. Он дрожал над ней, как над ребенком. Мыл и полировал собственноручно и часто, сбрызгивал специальным составом шины. Покупал к ней всякие прибабасы: «брови», колпаки, спойлеры. А дней десять назад он увидел сон. В этом сне его серебристая красавица попала в аварию, и ее тоже списали за невозможностью восстановить. Тогда он приобрел третью, и во сне это было легко; привез ее домой, ликовал – но тут же разбил вдребезги, не вписавшись в ворота гаража. Во сне он только крикнул с досады и отправился в офис страховой компании, надеясь посмеяться над причудами судьбы вместе со своим агентом. Но... в третий раз компания платить отказалась, и Саша остался безлошадным. Голый и сырый он вышел на улицу, прислонился к тощему деревцу. Мимо проносились шикарные тачки, в которых, запрокинув голову, смеялись чьим-то шуткам блондинки... Он проснулся от ужаса и неделю не выводил машину из гаража: ездил на шkode супруги. И вот сегодня решил отъехать недалеко. В ста метрах от дома, на перекрестке, его припечатала рыжая стервозина на опеле.

Отирая пот со лба, Саша пристроился к вагочику, в котором выпекали блины. Купил блин с семгой, сыром и зеленью и встал к высокому одноногому столику. За соседним курили и пили сок две молодые женщины. Одна из них жаловалась подруге:

– Я готовлю второе каждый день. Утром собираюсь, говорю: свари себе кашу на завтрак. Ну что, трудно тебе? Он говорит: посмотрим. И смотрю, через пять минут лезет в холодильник, достает макароны, сосиски... И все остальные приходят и тоже начинают их есть. Главное, это расходы какие? Ведь на ужин опять надо готовить. Опять покупать продукты. Я так больше не могу!

Саша покосился на девушку, подивившись проблемам, которые волнуют людей. На лице у нее было написано отчаяние. Подруга понимающе кивала головой. Саша выбросил в урну одноразовую тарелку и пошел прочь.

Над ним, в бело-голубом небе, плыл газообразный медведь. И еще чемодан, набитый мечтами. Морда медведя, достигнув небесного края, растянулась и превратилась в размазну.

Салон Aquarelle занимал угол возле рынка еще с советских времен. Правда, тогда он имелся парикмахерской «Визит» и не отличался высокой культурой обслуживания. Сейчас заведение было чистым и светлым, мастера – молодыми и дружелюбными. Саша стригся здесь уже несколько лет. Маниакально, сказали бы некоторые – и были бы неправы.

У всех свои тараканы, а его таракан был безобидным. Саша терпеть не мог волосы, чужие и собственные.

Он практически падал в обморок, если волос обнаруживался в еде. Закатывал грандиозный скандал.

Если оказывался рядом с человеком с сальной прической и, не дай бог, перхотью, бежал без оглядки.

Женщин заставлял надеть шапку или косынку перед сексом. Прилипшие к влажному телу волосы – брррр!

Он каждый день яростно брился, после душа придирчиво оглядывал себя в зеркале. Отмечал неприятную шерсть, возникшую на спине. На груди появлялись толстые, провололочные волосины. Кроме того, Саша был весь покрыт родинками, из которых в последние годы стали произрастать антенны. Как будто крошечные существа до поры до времени сидели у него внутри, а теперь решили произвести рекогносцировку. Саша охотился на них, атакуя антенны пинцетом. Волосы из носа он выдирал специальным приборчиком, и слезы текли у него по щекам. Неделью назад он сделал ужасное открытие, нащупав растительность в ушах. Хуже Саша ничего не смог бы придумать – разве что волосы выросли бы у него во рту.

Усы его тоже бесили, но без них он выглядел гигантским пупсом. Так что приходилось терпеть.

В Aquarelle он стригся всегда у одного и того же мастера. Они с Владом стали, можно сказать, приятелями. Саша любил поболтать с ним о том о сем и даже это общение предвкушал.

– Здоро^во!

Они пожали друг другу руки, и Саша уселся: так, что задребезжало зеркало и флаконы с муссами и лаками для волос стали друг об друга постукивать. Кресло ему жало, бумажный ошейник был слишком тесным, но к этому он заранее готовился.

Он проследил за тем, как Влад вымыл ножницы и расческу и несколько раз нажал ногой на педаль, опуская кресло. Роста он был для мужчины миниатюрного. Плюс блестящие черные волосы, смазанные гелем, быстрые черные глаза – вся его внешность словно бы говорила об экзотическом латиноамериканском происхождении. Он, несомненно, об этом знал и подчеркивал образ повадками мачо: играл желваками, посасывал зубочистку, заправлял футболку в штаны. Наверняка занимался спортом: все тело его было слеплено из маленьких крепких мускулов, юрких и отжатых от жира. Правда, в начинаниях Влада ему немного мешали уши. Они по-чебурашьи торчали в стороны.

– Как жизнь?

– Так себе... Тачку разбил, блин!

И Саша поделился горем. Влад сочувственно цокал ножницами вокруг его головы. Саша не скупился на детали, приукрашивал. Влад реагировал невнятно, вглядывался ему в затылок. Саша распалялся. В момент, последовавший за кульминацией, Влад отправился к музыкальному центру, чтобы сменить радиостанцию. Тогда Саша вытащил козырную карту, которую приберегал напоследок. Вещий сон.

– ...Ты прикинь! Мне это приснилось две недели назад. Выезжаю сегодня – и хренак! Как тебе?!

Влад промямлил:

– Да, бывает же...

Саша не удовлетворился и уточнил:

– Если бы мне кто-то рассказал такую историю, я бы не поверил. Потому что на самом деле так не бывает. Но это реально произошло!

Влад мягко повернул его голову к зеркалу. Саша был трудным клиентом: вертелся, кряхтел, чесался, оттягивал бумажный воротник – словом, всячески испытывал терпение парикмахера. Однако Влад всегда оставался невозмутимым.

Саше нужна была хоть какая-то реакция.

– Вот если б это с тобой случилось, ты бы что подумал?

Парикмахер махнул рукой куда-то назад:

– Там журнал лежит, вчера читал... В нем статья про паранормальные явления. То есть как: это нам кажется, что они паранормальные, но если подумать, всегда можно найти объяснение. Смотри, если бы аварии не случилось, ты бы про этот сон забыл. Но ты тачку разбил и думаешь, что сон вещий. На самом деле это совпадение, и таких совпадений в жизни до фига.

– Да ладно, до фи́га. У тебя такое было?

– Не совсем такое, но было. И еще, в этой статье грамотно объясняют, что, если это с тобой происходит, ты этому придаешь огромное значение. А все, кому ты рассказываешь, думают, что это ерунда... Хочешь почитать?

– Давай.

Саша надолго задумался, и Влад, позабыв, видимо, о пострадавшей машине, начал свою историю об очередной девушке.

– Мы с ней сначала в кино ходили, гулять – ну, все как обычно. Потом она ночевать у меня осталась – один раз, другой, третий. А потом берет и вроде как жить у меня начинает. Я думаю, ладно: хоть готовить и убираться будет. Так ни фи́га! Прихожу с работы: жрать нечего, везде бардак, колготки ее валяются... Я говорю: знаешь, красавица, так не пойдет, ищи себе другое жилье. Она, короче, устраивает скандал, но выметается. И давай мне по телефону названивать, хамить. Я ее послал. Так она брата своего на меня натравила. Захожу в подъезд – а тут фи́гак сзади! Но я отбил.

Влад, разумеется, преувеличивал: с его комплекцией отбиться он мог разве что от женщины, притом небольшого размера. Но это была его история, и в ней он мог хозяйничать как угодно.

Сегодня они были явно не на одной волне – у одного колготки, у другого полжизни вдребезги. Саша вздохнул и посмотрел на постер с лицом артиста Хью Джекмана, поблекший от солнца, попадавшего на него из окна-витрины. Выцветшего Джекмана Саша давно выучил наизусть. Шевелюра его лоснилась, а оскал был белоснежным.

– А как вообще жизнь? Работа?

Влад ругнулся.

– Короче, вводят новую систему. Будут следить, кто сколько клиентов обслуживает. Собираются камеру в зал повесить. Каждый месяц что-нибудь новенькое... Скоро тут как в тюрьме будем. Еще обыскивать станут на выходе – не стащил ли ты лак для ногтей.

– А чего ты в другой салон не пойдешь? Есть и покруче, там и платят побольше.

– Да я где только не работал. И там, где покруче, тоже. Везде свои минусы.

Мозг Саши немедленно начал работать в заданном направлении.

– Слушай, я давно собираюсь новый бизнес начать. Может, салон открыть? Щас на этом кучу бабла можно поднять! Обычных до фи́га, а я, например, открою чисто мужской... Маникюр, педикюр, массаж... Говорят, сейчас мужики следят за собой по полной программе.

Влад замер – ножницы в воздухе, – и смотрел на него недоверчиво.

Сашина мысль устремилась дальше, стала разливаться рекой, затапливая по пути сложности и несостыковки.

– Ты бы ко мне работать пошел... Можно еще такую фишку устроить – я это не сам придумал, а где-то читал... Обслуживать будут голые девки с шикарными сиськами. То есть я читал, что они топлес обслуживают, а у нас будут голые. Прикинь!

Влад ответил:

– Тогда у меня совсем клиентов не будет... если голые девки с сиськами.

Саша замолк. Об этом он как-то не подумал.

С детства Саша имел мечту. Доказать им всем – вот как можно было бы сформулировать ее вкратце. Об этом мечтают многие, но довольно невнятно. Саша же видел зримое ее воплощение в картинке, постоянно вертевшейся у него в голове и с течением времени дополнявшейся.

Сначала это была дорогая машина. Саша выходил из нее вместе с красивой девушкой, и непременно на виду у тех, кому он хотел доказать. Излишне упоминать, что «они» при этом

рты разевали от изумления и сожалений различной природы – ради этого, собственно, все и затевалось.

Позже в его фантазиях появилась конкретика: Саша теперь представал в образе солидного бизнесмена. Образ этот отыгрывался в разных ситуациях с обязательным включением статусных символов. Последнюю вариацию картинки можно было вульгарно обозвать «виллой на Карибах». Во всяком случае, там точно была недвижимость, пальмы и океан. И Саша – в шляпе и с сигарой. Он немного стеснялся этой мечты даже перед самим собой, но был, тем не менее, ею, такой тривиальной, ведом.

Он начал зарабатывать, еще учась в институте. В это время другими делались настоящие состояния, но Саша был неотесан и робок – и всего лишь торговал джинсами на рынке. Вскоре, однако, он завел дружбу с корейцем Витей, который преподавал ему главный урок. Нужно, говорил он, найти плодотворную идею. В съемной квартире они стали резать ночами морковку и мариновать ее в уксусе, а с утра таскаться по магазинам и продуктовым палаткам. И умолять, блефовать, канючить – словом, делать все, чтобы пластиковые коробочки с морковкой взяли на реализацию.

Так было положено начало империи корейских салатов, небольшой, но с годами окрепшей и приносившей теперь стабильный доход. На данный момент от Саши уже не требовалось ни рук, ни нервов, ни головы: он был просто хозяином и имел право подписи, а бизнес шел сам собой. Ну или почти сам собой. А душа его просила гораздо большего.

Наладив механизм производства и продажи салатов, они с Витей сунулись было в замороженные десерты, но из этой затеи ничего не вышло. Затем открыли небольшой ресторан в спальном районе. Едва стало понятно, что он будет приносить хорошую прибыль, как на пороге возникли люди в погонах, и ресторан был продан им за бесценок. Тогда неунывающий Саша приобрел маленький автосервис, состоящий из трех работников и гаража. Расшириться в этой сфере он, правда, не смог из-за большой конкуренции и угроз азербайджанской мафии, державшей неподалеку шиномонтаж. Заскучав, Саша даже нанялся в фирму, продающую башкирские лампочки, но не вынес рутины.

Чем он только не пытался заняться! В любой момент времени в его голове роились проекты в количестве не меньше пяти. Среди них он искал тот самый, единственный, который превратит его в миллионера. Он прочитал уже добрую сотню книжек о том, как быстро разбогатеть, и сделал для себя вывод: нужно найти идею, которая всем кажется бредом. За нее никто не берется, но она-то и выстрелит! Так что он всегда был на стреме и искал полезную информацию в подслушанных разговорах, газетных сообщениях, фильмах, надписях на заборах и в интернет-форумах.

К примеру, на прошлой неделе Саша узнал, что один провинциальный завод делает штангенциркули и продает их вдвое дешевле, чем они стоят в Москве. Тут же возник дьявольски ловкий план, хотя Саша понятия не имел, что представляют собой штангенциркули. Он как раз намеревался узнать. Но ему уже виделось огромные трансокеанские суда: они везли в США контейнеры, груженные штангенциркулями.

Торговлей его интересы не ограничивались. Сейчас он размышлял над еще одной гениальной идеей. Ему удалось обнаружить не занятую пока нишу на рынке прессы: журналов для мужчин за рулем было море, а для женщин – ни одного. Автомобилисток же становилось все больше, и кто-то неизбежно должен был прийти к этой же мысли. Надо было спешить.

Влад смахнул кистью волосы и снял покрывало. Затем помыл Саше голову и просушил ее феном. Саша терпеть не мог, когда волосы заваливались под одежду и кололи его оттуда. Расплачиваясь, он напомнил:

- Ты вроде журнал обещал...
- Ага. Только верни – казенный.

Влад, маленький и ставший отчего-то очень печальным, протянул ему руку, прощаясь. Саша тут же решил, что обязательно что-нибудь для него сделает. Пока ему было неясно, как примирить автожурнал и трансокеанские суда с цирюльным ремеслом Влада. Но он был уверен, что все в итоге получится.

В ресторане Саша сразу заказал текилу, кофе и сок. И выпил по очереди, ожидая подругу. По сути она была ему никакой не подругой, но Саша терпеть не мог слово «любовница». Познакомились они случайно, в японском супермаркете на «Менделеевской». Саша хотел выбрать саке и пытал продавщицу. Та, юная и беспомощная, лепетала какую-то ересь и заикалась. Подмога возникла в виде Хитоми, и тем же вечером саке было распито Сашей вместе с крошечной азиатской женщиной.

Теперь они встречались регулярно; Саша к ней очень хорошо относился, но совсем ее не любил. По одной простой причине: он не понимал и не знал ее. Хитоми была совершенной инопланетянкой. Это проявлялось во всем. В том, как она почти никогда не смотрела в глаза, и в том, как смеялась в кулачок по поводу и без повода. Ела она маленькими кусочками и рот прикрывала рукой. Одевалась в яркие тряпки и носила под мышкой плюшевого мышонка. В постели кричала: «ебать, ебать!» (Он понял не сразу: это звучало как «еватч, еватч!») Со временем она выучила и другие глагольные формы.

Хитоми изучала русский в Японии, а в Москве поступила в аспирантуру и писала диссертацию по Юрию Олеше. Саша даже специально прочитал повесть, из которой запомнил колбасу, футбол и «поет по утрам в клозете». Это была очередная загадка: что в этом произведении могла найти японка?

Когда они в первый раз оказались в гостиничном номере, Хитоми присела на него, не раздеваясь, просто отодвинула в сторону трусики. Напрягла мышцы, глядя куда-то мимо Саши, и за две-три секунды выжала из него, как из тубика, захлебывающийся оргазм. Саша не успел понять, что произошло, только возникли откуда-то слезы и попали ему в ухо. А Хитоми уже грациозно встала, поправила юбку и ушла в ванную. Он был ошеломлен.

Дальнейшие их встречи тоже заканчивались знаком вопроса. Даже теперь, год спустя, Хитоми казалась ему чужой. Хотя время от времени у него возникало чувство, будто этот крошечный человечек – самое близкое ему на свете существо. Но если бы у Саши спросили, зачем он нужен ей, он не сумел бы ответить. Потому что с ее талантами Хитоми вполне могла стать любовницей, а то и женой кого-нибудь покруче.

Она появилась вовремя, как всегда. Надела очки, чтобы прочесть меню. Фиолетовая оправа. Гладкий лоб, никогда не морщится. Редкие брови. По отдельности – ерунда, а все вместе – красавица. Саша приосанился и тоже начал читать.

Когда официант в длинном фартуке растворился, приняв заказ, она улыбнулась. Хитоми по большей части молчала; чтобы услышать ее голос, следовало задать вопрос. Вопрос Саша не придумал и отчего-то робел. Они съели по стейку, выпили бутылку красного. Обменялись междометиями типа «м-м!». Потом она погладила его ногу мыском розового сапожка, и Саша оттаял.

Он пересказал ей сначала свой сон об аварии, затем то, как сон магическим образом сбывся. Выслушав его до конца, Хитоми сказала:

– Мама вчала мне звонира. Бортари, так. Потом она говолит: твой длуг, у него класная масына была? Я говолю, была. Плавирьно?

Саша:

– Ну да, бэха была красная. Мы с тобой на ней ездили, когда только познакомились.

– Мама говолит: я ее виджера. Спласывает: она попадара в авалию? Я говолю, попадара. Она опятч: а длугая, новая попадара недавно? Я говолю, не знаю тощно, сплосу. Она: а я виджера, что попадара.

Ну вот. Сначала сон, а теперь оказывается, что японка на другом конце света заранее знала про несчастье с его серебристой красавицей... Хитоми не раз говорила ему о матери, якобы ясновидящей, и еще о бабушке, которая каждый день варила ядовитую змею для употребления в пищу. И дожила поэтому уже до девяности трех лет в своей потной, жаркой стране.

– Мама говолит: в его класную масыну пощелирась веджма и плыгает за ним из одной масыны в длугую масыну. Стобы ее плогнатч, нужно помытч новую масыну с сорью. И сам ты доржен помытча с сорью. Да?

Раньше Саша во все эти сказки не верил, но тут у него пробежал мороз по коже. Он вообразил эту ведьму: японская старуха с клюкой и космами до пола. В детстве у него был диафильм «Погонщик быков и ведьма Ямамба»; Ямамба была именно такой, и он ее хорошо запомнил. Сашу передернуло, когда он представил, что никогда не был в машине один, а все время с этой мерзкой старухой. Наверное, она сидела на заднем сиденье и выглядывала оттуда. А когда он смотрел в зеркало заднего вида, быстренько пряталась – как в фильмах ужасов.

– Так, а... что теперь мыть? Машины у меня уже нет. Сегодня забрали...

– Новую мой, когда купис. А то она в нее плыгнет.

Если бы его жена наняла сыщика, тому бы не пришлось особенно напрягаться. Саша не парился и всегда снимал номер в одной и той же гостинице. Там их все знали, относились как к постоянным клиентам и периодически награждали бонусами за лояльность. Сегодня подарили бутылку дорогого шампанского.

Они его быстренько выпили, и секса в результате не получилось. Саша был очень уязвлен.

Хитоми погладила его по щеке, чтобы он не расстраивался.

Эта хрупкая азиатка никогда не пьянела, хотя пила больше него. Саша не понимал, как это возможно с точки зрения физиологии: в нем было сто пятьдесят килограмм, а в ней – от силы сорок. По рассказам Хитоми, вся ее родня спиртное употребляла как воду. Причем все подряд: вино, пиво, водку, виски, коктейли. Та самая девяностотрехлетняя бабуса ежедневно выпивала бутылку sake, настоящего на змее. И после этого еще говорят, будто японцы спиртное не переносят... Ага, как же. Саша расстроился окончательно. Сегодня явно был не его день, и следовало завершить его поскорее. Но Хитоми предложила:

– Может бытч, погуляем? Щколо хородно бюджет... Потом зима – фу.

Она заранее поежилась.

И Саша, вопреки своему настроению, согласился.

В час ночи улицы были пусты. Никто не горланил песен, не бил стеклотару и не припадал к тротуару сблегнуть. От прохладного воздуха Саша быстро протрезвел, и мысли его снова вернулись к проектам. Вообще-то он не хотел о них думать именно сейчас, но не умел расслабляться. В его голове будто тикали часы, отсчитывая Время, Потраченное Зря. И словно бы спрашивали мерзким будильничьим голосом, что он успел за сегодня сделать. Того, что имел в виду будильник, Саша всегда делал довольно мало. Но голос к этому привыкать не желал, и Саша всегда чувствовал себя виноватым.

К тому же: дурацкая история с машиной. К концу дня от трагедии осталось лишь чувство досады и ощущение какой-то помойки и глупости. Предстояло еще увидеть злорадную улыбку жены... Саше стало очень одиноко, и он даже забыл, что сейчас он вдвоем. С обеих сторон проспекта нависали многоэтажки, и все было неподвижно и заперто, и витрины были

темны. Изредка проносились машины и проносили кого-то мимо. Мимо Сашиной жизни и его одиночества⁶.

К счастью, поднялся ветер, и у Хитоми взлетели волосы. Тогда Саша вспомнил, что он не один, и вообще. Он сжал ее руку, обнял крепче. А потом удивился и сказал:

– Кто-то идет нам навстречу. По-моему, карлик.

Хитоми, будучи близорукой, оттянула уголок глаза и попыталась рассмотреть, кто же там впереди.

Вскоре им стало ясно, что это ребенок. Он шел медленно, будто прогуливаясь. Саша тоже замедлил темп. Приблизившись, они увидели мальчика лет восьми в джинсах и тонкой куртке, большеголового, светлого. Он посмотрел на них с любопытством. Во рту у него были два чрезвычайно больших заячьих зуба и дырки на месте соседних, недавно выпавших.

Саша остановился:

– Привет.

Мальчик тоже остановился. Секунд десять он разглядывал их безмятежно, будто слонов в зоопарке. Затем почесал около уха и спросил:

– А она японка?

Саша все ожидал, что откуда-нибудь из-за угла выйдет взрослый, сопровождающий. Хотя он своими глазами видел, как ребенок шел издали и совершенно один.

– Японка. А ты как узнал?

Мальчик пожал плечами:

– Видео в интернете смотрю.

И снова спросил:

– Вы поженитесь, да?

Саша притворился, что не расслышал. Или что он не Саша. Или что спрашивали не его. А Хитоми захохотала, прикрыв рот рукой.

– Понятно, – улыбнулся ребенок. – А если б вы поженились, у вас были бы красивые дети-метисы. Так говорят... Поэтому есть смысл.

– Вот ты какой, значит, – сказал наконец Саша. – За словом в карман не лезешь. А тебе можно задать личный вопрос?

– Пожалуйста. Только я знаю, что вы сейчас спросите.

– Что?

– Вы спросите: что ты здесь делаешь в такое время?

Саша только руками развел:

– Было бы странно, если б я не спросил.

– Ну да.

Мальчик разглядывал Хитоми и вопрос игнорировал. Тогда она тоже спросила:

– Сто ты джераес тут следжи нощи?

Он прыснул, услышав ее акцент, и они стали смеяться вместе. Потом мальчик сказал:

– Я просто гуляю. Вы ведь тоже гуляете.

– Мы взрослые, – возразил Саша. – И к тому же гуляем вместе. А ты – один.

Тогда мальчик стал смотреть в сторону – туда, где иногда проезжали машины. Где ветер трепал по асфальту и поднимал в воздух клубок из оберточной бумаги. Где было написано **РЫБА, Нотариус, Венеция**.

Хитоми порылась в сумочке и достала упаковку жвачек:

– Хощещ?

⁶ Так часто бывает: алкоголь вдруг выветривается, и то, что казалось сказочной вечеринкой, обнаруживает свой истинный гадкий фейс. Поэтому надо пить до упора, или, во всяком случае, до того момента, когда в кровать не ложишься, а приплываешь. Ну или не пить вовсе. Это полезный совет № 1.

– Японская? Вообще-то, дети не должны брать жвачки у незнакомых людей.

Но протянул руку и взял.

Наблюдая за тем, как он разворачивает фантик, Саша крикнул:

– Ну ты даешь. Мало того, что разгуливаешь ночью один, так еще и жвачки берешь у кого попало. Все делаешь наоборот, да?

Мальчик громко жевал; рот его ходил ходуном.

– Да нет, просто я вижу, что вы – нормальные.

Он поднял на них большие глаза и надул огромный пузырь, который тут же лопнул, облепив его губы, нос и немножко щеки.

– Мы правда нормальные. Ты скажи, ты сбежал от родителей, что ли? Мы не будем тебя сдавать.

Саша в этот момент постарался собрать всю свою нормальность в кулак и выглядеть очень нормальным. Он чувствовал по дыханию Хитоми где-то рядом с его локтем, что она тоже совершенно нормально стоит и знает: следует соответствовать. Это был щедрый и пока не заслуженный комплимент – то, как назвал их мальчик.

Вздохнув, ребенок сказал:

– Ни от кого я не убегал. Просто гуляю, потому что мне не спалось. А родители уехали на байдарках.

– Как? – не поняла Хитоми.

– Ну, на байдарках – на лодках таких. С друзьями поехали.

– И ты хочешь сказать, что ты один дома остался?

– Ну да.

Он даже пожал плечами, как будто это само собой разумелось. Саша ему не поверил.

– Так не бывает, – сказал он печально. Потому как он тоже считал, что встретил нормального человека, правильного и искреннего. А теперь придется расстаться с иллюзией – в очередной раз.

Но мальчик заглянул ему в глаза, убеждая:

– Я правду говорю. Ко мне бабушка приходила и делала на ужин омлет. А потом ушла... Ей кошку надо кормить.

И добавил:

– Родители часто уезжают... Я привык уже. Только заснуть иногда не могу – вот и гуляю, пока спать не захочется.

У Саши в голове застучали. Ему показалось, что он задушил бы сейчас и кошку, и бабушку, и этих родителей, если бы они оказались тут, перед ним. И он даже не стал бы раскаиваться. И еще...

Продолжить мысль он не успел, потому как ребенок спросил:

– А можно я с вами пойду?

В голосе его были: надежда, тревога и стыд. Саша почувствовал, что вот-вот забьется в припадке и кинется убивать бабушку прямо в ее уютной клоповьей квартирке. Мускулы его напряглись, на лбу выступила испарина. Над ним висело обозначение: он был нормальным и не мог подвести человека. Но забрать чужого ребенка он тоже не мог.

Саша сказал:

– Давай так: мы проводим тебя до дома, и ты ляжешь спать. Я дам тебе свой телефон. И если тебе не с кем будет поговорить, ты мне звони. Хоть среди ночи.

Они взяли его за руки с разных сторон и повели домой. Мальчик показывал дорогу.

– Тебя как зовут-то?

– Булка.

– Как?!

- Да это кличка такая. Потому что фамилия – Булкин. А вообще-то я Дмитрий.
 - Понятно. Я – Саша. А она – Хитоми.
 - Значит, ее можно называть Томи. Да?
 - Наверное. Я как-то не догадался... Так намного короче.
- Ребенок застенчиво посмотрел на японку и пробормотал, обращаясь к Саше:
- Она как игрушечная, правда?

Хитоми была одета в белую мини-юбку; из-под юбки торчали тонкие ножки, обутые в розовые круглые сапоги. Сверху – желтый, будто кукольный, пуховик и мышонок под мышкой. Ну точно игрушка. А диссертация по Юрию Олеше – так, приколот от производителей.

Посадив игрушечную Томи в такси, Саша поймал себе развалюху с разбитой фарой. Назвал адрес и притворился спящим, чтобы водитель, взъерошенный старичок, не развлекался за его счет болтовней.

В общем и целом Саша мало думал о детях и об их воспитании. Он считал, что в этом процессе нет ничего особенно сложного и все происходит само собой. Дети, казалось ему, сами знают, что перед сном следует чистить зубы, а после школы делать уроки. Во всяком случае, ребенок, который жил вместе с Сашей, производил на него именно такое впечатление. Он задал себе вопрос: что же это за мальчик, который вместо того, чтобы смотреть телевизор или играть в какую-нибудь приставку, предпочитает бродить ночью по улице? И нашел на него ответ: это был не совсем нормальный мальчик. Ребенок, у которого не все дома. Ха-ха.

Они могли просто не знать. Те придурки, уехавшие в поход на байдарках.

Интересно, а если бы они обнаружили, как именно Булкин-младший проводит ночь в их отсутствие?

Саша вспомнил, как прошлой весной пил в парке пиво с одной знакомой. Была ранняя весна, когда уже пригревает солнышко, но воздух еще очень холодный. Они расположились на бревне у водоема. Прямо перед ними на воде раскачивался плот, а на нем – группа мальчишек лет десяти-одиннадцати. Пацаны курили и матерились, толкались, смеялись, падали в ледяную воду прямо в кроссовках и куртках, залезали обратно – и все это продолжалось час или полтора. Знакомая Саши зачарованно смотрела на них и наконец сказала:

– Если бы появилась волшебница и предложила исполнить желание, знаешь, чего бы я попросила? Чтобы родители, и бабки, и тетки вот этих детей оказались вдруг здесь, и я бы смогла увидеть их лица.

Если бы только все мы знали, чем занимаются наши близкие, когда мы не видим.

Глава 3

Таня и облако

Вова осторожно взял Таню за руку. А она сделала вид, будто ничего не заметила.

Вова, большой, почти незнакомый мужчина с теплыми руками. Таня, с тревожным взглядом и ледяными пальцами.

Спикировал желтый лист.

Сидя на скамейке у пруда, они наблюдали следующую картину. Трое собирались купаться. Пьяные, с остекленевшими глазами; молодые, но уже измученные своим бессмысленным существованием. Точнее, купаться собирался пока только один: красное лицо, тощее паучье тело. Он покачивался, подрагивал и медленно разоблачался. Обнажил молочно-белый торс и тонкие ноги, кинул одежду на асфальт. Два друга его замычали:

– Серег, ты че... Серег, не лезь...

Погода, несмотря на яркое закатное солнце, была осенняя и совсем не купальная. Бррр... На поверхности воды виднелись кое-где пластиковые бутылки и пакеты. Еще кое-где – тина и другая растительность. На дне могло быть все, что угодно.

Серега доковылял до края и дернулся: скорее упал, чем бросился, в воду. На берегу, поодаль, остановилась группа молодых людей и стала наблюдать за ним без особого любопытства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.